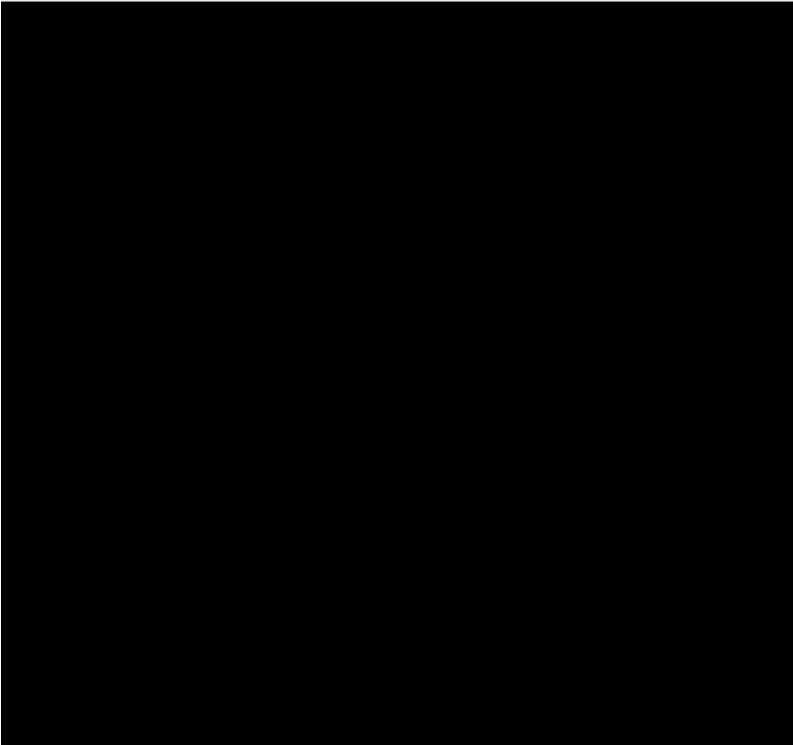

ВИКТОР БАЛЕНА
О Б О Н А Т О

Счастье для всех

Виктор Григорьевич Балена

О Б О Н А Т О

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63522073

ISBN 9785005190222

Аннотация

Кризис 2008 года изменил судьбы многих людей. О том, как важно любить друг друга, и если вместе взяться за руки, то можно ПОБЕЖДАТЬ. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Счастье для всех

6

Конец ознакомительного фрагмента.

32

О Б О Н А Т О

**Виктор
Григорьевич Балена**

© Виктор Григорьевич Балена, 2020

ISBN 978-5-0051-9022-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОБОНАТО

Счастье для всех

С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историей железный занавес. – Представление окончилось. Публика встала Пора одевать шубы и возвращаться домой. Оглянулись. Но ни шуб, ни домов не оказалось.

В. Розанов. Апокалипсис нашего времени

1

Был вечер. В пабе, несмотря на ранний час, толпился народ. Обычно сюда раньше семи не заглядывали. Сегодня, как прорвало. Шум, гам, словно улей потревоженный. И ни одной медоносной пчелы. Всё трутни. Публика одношерстная: биржевые брокеры, банковские клерки, риэлтеры и разная мелочь в виде биржевых прихлебал.

Если девушка или взрослая женщина потратилась на книгу и раскрыла её, пока ноги готовила под педикюр, надо ей сразу объяснить хотя бы кто такие брокеры, пока она от скуки не уронила книгу в таз с водой.

Брокер – это наглец, который на деньги клиента играет на бирже, где игра ведётся с отрицательной суммой.

На бирже клиент теряет деньги всё время, а брокер получает комиссию с каждой сделке. Чем больше клиент торгует, тем больше комиссии получает брокер. У рядового брокера на бирже в первый год 90% клиентов теряют деньги.

У хорошего брокера 5% клиентов в нуле, и 5% зарабатывают. Из миллиона контрактов выигрывают, сколько думаете? Не угадали! 0.01% или 100 контрактов. Почему такие крупные потери, потому что каждый думает, что он «один из ста».

В 2008-го такие слова, как «потеря ликвидности», никого прям сразу не омрачили, так как в переводе на человеческий язык означало «отсутствие денег». «Ноу мани» по-русски. Все только руками развели, но жизнь продолжалась, потому что в кубышках и на счетах ещё «было» Наши люди никогда не забывают поговорку: «если в доме нету денег, привяжите к жопе веник»

Бабки исчезли не сразу, то есть, заметили это не вдруг. Кризис, как объяснили, был «мировым», но Глава правительства заверил, что кризис Нас не коснется.

В Америке какие-то проблемы с ипотекой. Раздали бабки не «тем заёмщикам», по-русски говоря, бомзам, а они кредиты не возвращают. Обанкротились два ипотечных фонда, рынок недвижимости рухнул и, как метко подмечено, «запахло каловыми массаами».

Москву потрянуло. Закрылись кое-какие банки, у некоторых отобрали лицензии. Многие получили уведомление о сокращении, кто-то потерял в зарплате, кого-то уволили без предупреждения, просто воспользовались ситуацией.

Наши, пока жареный петух в жопу не клюнул, особо не парились. Баксы американские, стало быть, и проблема американская. «Надо будет – напечатают» Так думают не толь-

ко у нас. Никому дела нет до того, что баксы печатает ФРС (федеральная резервная система), которая совсем не «федеральная» и не «резервная». Она сама по себе. У неё с правительством США как бы брачный контракт. ФРС даёт правительству баксы в долг, и получает обратно с процентами. Когда-то давно создали ФРС как раз для того, чтобы бороться с разными кризисами и финансовой нестабильностью, и когда надо финансовый кризис начинается, и баксы перестают печатать, и когда снова начинают печатать, кризис заканчивался. Баксы, как и люди, уязвимы и сопротивляются любой агрессии со стороны других денег, и для защиты или уничтожения чужеродной финансовой мощи приходит на помощь кризис.

Как-то так. Я учился по книге Алексея Маркова «Хулиномика», и если кто-то что-то не так понял, то это не я плохо объяснил, а Вы не просекаете.

Я обычно избегаю фамилий и названий, но это случай особенный. На «Хулиномике» поколение «наихудших», научило остальных «не лучших» быстро расставаться с деньгами. Мы не потому такие бедные, а потому что нас засосала «хулиномика»

В 2008 одеяло зеленого бабла тянули во все стороны. Никто понятия не имел, как и почему случаются кризисы, откуда они берутся.

Сегодня, когда я это пишу, на дворе ничья «2020», и мало что изменилось, за двенадцать лет, никто не понимает, как

образовался кризис в 2008-ом и откуда накатил covid19, из-за которого надвигается новый кризис. Стоящему на обочине трудно понять, что там на большой дороге.

Китайцы, как будто, задумали обрушить доллар, и у них наверняка есть план, а у нас плана нет, и мы стоим на обочине и ждём, пока китайцы с америкосами проедут. Трусость и некомпетентность не могут служить оправданием предательству.

Ночью 2008 случилось два судьбоносных события. В Пекине стартовала Олимпиада, и началась война в Южной Осетии.

Давно, ещё в Греции, когда придумали только Олимпийские Игры, ссоры и поножовщина на время прекращались. Желание попрыгать и посоревноваться в беге останавливало насилие и народ на время умиротворялся. Кстати «игры на Олимпе» часть религиозного культа. В последующие эпохи развитого атеизма религия истёрлась, а культ остался. На время игр объявлялось священное перемирие.

Грузинам такое по херу. Они выпустили *«Чёрного лебедя»* как раз в день начала Олимпийских Игр в Китае 8-го числа 8-го месяца 8-го года. В то время, когда в Пекине началось открытие Олимпиады, Цхинвал, столица Южной Осетии, был разрушен миномётным огнём и бомбовыми ударами.

Понятно, про «птичек» это метафора, для обозначения, злых событий и адских замыслов, типа развала СССР или «завал близнецов» 11 сентября на Манхеттене.

Многие думают, что «*Чёрных лебедей*» не существует т.к. они всегда белые.

В ночь с 7 на 8 августа 2008 года сорокатысячное население Цхинвала увидело «лебедей» с «чёрной» стороны.

Это была первая настоящая война на Европейском континенте в XXI веке.

Нахрапистая московская халява затрещала. Нервная дрожь, подобно электрошоку, прошла через семейные оковы и любовные узы.

– Я уезжаю к маме, и буду там, пока твой кризис не закончится – сказала Элла мужу.

– Кризис не мой, а мировой, – возразил Борис.

– Имей в виду, я больше тебя не люблю, – загадочно произнесла Элла.

Это был ответ жены на призыв мужа умерить траты.

Борису не хватило духа сказать жене всю правду. Он сам не верил, что был уволен.

Управляющий промышчал что-то про кризис, вскользь упомянул о прекращении инвестирования в долгосрочные проекты, что агрессивное развитие банка не целесообразно и со многими сотрудниками придется расстаться. Извинившись, попросил Бориса подать заявление по собственному желанию. Борис был ошарашен. С ним, словно, сводили счёты, сваливая все на кризис. Это было, как во сне.

Утром жена, как обещала ушла, даже завтрак не пригото-

вила.

В Москве ликвидировали сразу несколько таможенных постов. Как объясняли власти, ликвидация московских таможен ведется в рамках «реализации концепции переноса таможенного оформления и контроля в места, приближенные к государственной границе РФ». Несколько сотен работников были уволены, лишившись высокодоходных мест.

«Куда им такие деньжищи!?» – возмущались таможенники.

Андрей был брокер. Не тот, о котором прочла девушка с ногами в тазу, а таможенный брокер. Таможенник не «волк с Вол Стрит», он оформляет контейнер телевизоров или пылесосов, как контейнер лампочек по сорок ватт, а откат получает, как за телевизоры или пылесосы. Не надо юлить перед начальством, вынюхивать и просиживать в кабаках, чтоб получить клёвую растаможку. Нужно щедро делиться бабками, и жарить страхолюдину секретаршу директора, чтоб вовремя скидывала информацию. Работа почти без риска, хрен такую найдёшь.

Таможенные брокеры люди свободные и на свой вкус выбирают тёлочку. Андрей попал на красотку модель и окунулся в неё с головой. Дело шло к свадьбе. Они собирались в предсвадебное путешествие, как вдруг Андрей объявил, что поездка откладывается из-за того, что у него возникли проблемы на работе. Они не ссорились, но невеста перестала выхо-

дить на связь.

Рекламное агентство, где работал Сергей, испытывало те же трудности. Заказы на рекламу сокращались. К началу августа портфель совсем опустел. Сотрудников начали увольнять. Сергея уволили одним из первых, так как его зарплата была больше, чем у других.

Жена Ольга, архитектор-дизайнер, промышляла ремонтом и реставрацией дорогих квартир, доходы её упали, так как спрос на элитное жильё резко снизился. В бюджете семьи образовалась дыра. Близнецы, Кеша и Антоша, учились в платной гимназии, у них была няня с почасовой оплатой. За новую машину Ольги выплачивали кредит. «Посудомойка» и «стиралка» тоже куплены в кредит. Подходило время платежей. Сбережений не было, жили, как все от зарплаты до зарплаты в кредит.

Сергея трясло как в лихорадке и только в ресторане немного отпустило. Он смахнул пот со лба и отхлебнул из бокала. Настроение от «Гиннеса», в сопровождении рюмашек «Джемисон», выравнивалось, и уже не так тревожно и страшно было, как вначале вечера.

Сергей приободрился и предложил открыть какой-нибудь бизнес.

Никто даже ухом не повёл.

– Надо что-нибудь осваивать, – загадочно повесил Борис. Сергей с Андреем только переглянулись.

По телевизору пошли новости и зал притих.

Ведущая рассказала, что ночью 8-го августа Грузия напала на Южную Осетию и разбомбила Цхинвал. В Чёрное море из Севастополя вышли корабли ВМФ России.

Ведущая старалась не смотреть в монитор, опускала глаза в текст, её душили слёзы, и она делала паузы чтобы не расплакаться, пока не закончится проклятый текст.

Цхинвал равняли с землёй. После налёта авиации город обстреляла артиллерия. По жилым домам стреляли из установок «град», по людям били из танков и миномётов, уничтожали всем чем, только можно было убить. Одна беженка рассказала, что село окружили солдаты, одетые в натовскую униформу, и в спину расстреливали стариков, женщин и детей, спасающихся бегством. Раненых добивали выстрелами в голову.

Алан Атаев был стоматолог. Он прятался вместе со всеми в подвале дома, и вышел на улицу, чтобы посмотреть не нужна ли кому-нибудь медицинская помощь. Мать с ума сошла, потому что Алан не вернулся, и никто не знал, что с ним.

В баре было полно служивых пацанов, все понимали, что задача поставлена на физическое истребление населения.

Зал прямо на глазах осунулся. Многие тогда подумали, что «русские сдали осетин»

В эту повисшую паузу, пока народ переваривал и кумекал, в дверях появился человек. На него никто внимания не обратил, и он прошёл к столику, где было свободное ме-

сто и сел между Борисом и Андреем напротив Сергея. Весь вечер у них пытались отнять свободный стул, но Сергей настойчиво отказывал. Борис возмутился: «Отдай им стул»
«Занято», – отвечал Сергей.

Незнакомец кивнул Сергею, словно благодарил за то, что тот сохранил для него место. Он подал знак бармену и тот сорвался с места, хотя это было не в традициях заведения. Посетители сами заказывали выпивку у стойки бара. Незнакомец жестом сделал заказ, и бармен не будь он ирландец, понял без слов.

Ведущая рассказала, как за день до налёта, женщина отправила дочку к родственникам во Владикавказ, а сама не поехала. Ей подходил срок рожать, и она осталась. Осколок снаряда попал женщине в живот и убил двоих сразу.

В ресторане воцарилась неестественная тишина. Бармен принёс «четыре полтинника» «Джемисон» и пиво для незнакомца.

Борис и Андрей оторвались от телевизора и повернулись на запах моря с примесью горьковатой смеси вулканического пепла и соли. Они даже сразу не поняли, как человек оказался за столом.

Незнакомец коснулся шляпы, какую носят рейнджеры Техаса, в знак приветствия.

Борис в ответ кивнул и подумал, что такому чуваку и он не постеснялся бы место уступить.

Андрей знал цену тряпкам и разбирался в тонкостях муж-

ского гардероба. Незнакомец непросто был одет, а всё что на нём было, притягивало натуральной свежестью, и это всё, не только не вязалось с атмосферой заведения, а даже если кто сказал бы что за углом «снимают кино», то и это было бы слишком.

На нём было «не поймёшь, что из не пойми чего», не пропускающая влагу, боронящая от разных невзгод в разные времена года. Такой брезентовой рогожкой, вытравленной до цвета соломы, в пятидесятые годы прошлого века, прикрывались возницы, собиравшие по дворам тряпьё и макулатуру. Брюки были клёши, из той же материи, что и пальто, как у «битников» шестидесятых. Ботинки на толстой подошве, в них можно спокойно пройти по дну кратера потухшего вулкана. Небритость на лице, напоминала волосяную шероховатость на теле плохо стриженного кобеля, а майка красного цвета, служила исподней. При чём пальто-рогожка подбито было козым мехом, который местами торчал, выдавая у изделия отсутствие подкладки, внушая уверенность в том, что дорожный экземпляр, может служить укрытием от жары, холода, землетрясений, а также защитит от камнепада и огня. Изрядно поношенную, впрочем, опрятную попону, коей лошадь прикрыть не стыдно, был драпирован всепогодный гений, путешествующий во времени. Отдельно упомяну очки с темными стеклами в дорогой оправе, инкрустированные «кроликом» – эмблемой «playboy», которую присвоили пидоры и лесбиянки шестидесятых – символ

раскованной сексуальности. Впрочем, никакой похабщины, манера держаться не вызвала бы замечаний у самого Юдашкина, разве, что знаменитый кутюрье в шляпу вставил бы петушиное перо.

Я так долго описываю, потому что «всепогодный» произнес одну только фразу, и больше нигде не появился.

– Обонато, – сказал он, обращаясь к Сергею, и поднял рюмашку «Джемисон».

Голос у него поскрипывал и сипел, будто кадык вырвали. Он повернулся к Борису:

– Обонато.

Андрей не дожидаясь, поднял рюмку.

– Обонато, – сказал мужчина, и все разом махнули.

– Что за хрень такая, – первым пришёл в себя Борис.

Незнакомец выбросил в верх руку, подавая знак бармену.

Сергей вспомнил, что его сыновья в разговоре между собой часто упоминают «обонато».

– Байка такая по интернету гуляет, – начал объяснять Сергей, – быть может и небылица.

И он рассказал, как один антрополог предложил детям африканского племени игру. Кто первый добежит до дерева, тот получит корзину с фруктами. Дети взялись за руки и побежали, и после все вместе ели фрукты.

Борис тем временем отыскал в интернете статью и прочитал:

– *«Почему вы так поступили, и дети ответили одним*

словом – «Обонато». «Разве возможно, чтобы один был счастлив, когда остальные грустные?» «Обонато» означает: «Я существую, потому что мы существуем».

Незнакомец, пока Борис читал, слушал опустив голову, и капли не похожие на пот вытекали из-под очков и капали на пол.

Борис закончил читать и оглядел незнакомца. «Не тот ли самый антрополог затесался между ними», – подумал Борис.

Бармен принёс всем «Джемисон» и пива.

Стол замер. Никто не решался притронуться к выпивке, словно в игре наступила кульминация и каждый подумал: «Не сорваться ли ему и первым добежать до дерева?»

Незнакомец выпрямился и поднял голову. Из-под очков у него текли слёзы и капали на плащ, но не промокали, а скапывались на штанину и затем ронялись на пол.

– Вы должны сцепиться, – сказал он, и когда кадык пошёл вниз, сглотнул, и негромко добавил: – вместе взяться за руки и побеждать!

Он выпил свой «Гиннес», расплатился в баре и направился к выходу. В дверях остановился и, не страшась превратиться в «соляной столб», обернулся.

Друзья вскочили с мест и подхватили бокалы.

– Обонато! – заорали они так, что кто-то чуть не захлебнулся «Гиннесом», а многие пролили на штаны «Джемисон».

Из ресторана вышли навеселе, шутили, перебранивались,

но уже не так задорно. Атмосфера пивной улетучилась, улица остудила вечерним сумраком.

Ловили такси, но проходящие были заняты, а частники троих мужиков сажать опасались.

«Сергей предложил открыть таксопарк»

– В конце концов, можно заняться извозом и неплохо зарабатывать, – провозгласил он.

Андрей и Борис предложение подняли на свист.

Клапаны не выдерживали, краны рвало, пар высвистывал, но легче не становилось.

– Среди свободных профессий, – сказал Борис, – я бы выделил две: проституцию и попрошайничество.

Первую, наидревнейшую, Борис предложил, как резервную, на крайний случай. У друзей это вызвало бурю эмоций.

– А попрошайничать – готов хоть сейчас, – продолжил Борис.

И в доказательство, стащил с себя рубаху, обвязал вокруг шеи, и стал с протянутой рукой.

Какая-то женщина подала ему десять рублей. Это всех развеселило. Стали ободрять смущенного Бориса, мол, без работы, не останешься, но он вдруг погрузился, и за ним все притихли.

В такси садились, чуть не плача, унося с собой безутешную тоску и печаль.

В Цхинвале, на улице Сталина 30, Алан Атаев вышел из подвала. Он пробирался ошупью, высматривая в темно-

те живых, кому нужна была помощь, но попадались мертвые, и Алан, перешагивая через убитых соседей, пробирался по знакомой улице. Глаза привыкли к темноте, и он разглядел впереди танк, похожий на громадного динозавра. Из люка на него смотрел танкист, лицо у танкиста было мертвенно бледное от тусклого света внутренностей танка, и Алану показалось, он улыбнулся, и кажется, что-то сказал и рассмеялся.

Ополчения в Осетии начали формироваться ещё до объявления войны с 7-го на 8-е. Было тревожно. Постреливали всю первую неделю августа. Мужчины потянулись к штабам резервистом, командиры записывали добровольцев, но оружие не выдавали. Власти до последнего не хотели верить в агрессию. Президент республики Эдуард Какойты выступил перед добровольцами и сказал, что «скорее всего нападения не будет». Хотя осетинская разведка доложила о колонне танков и двух десятков установок залпового огня вблизи Цхинвала. Склад с оружием находился на северной окраине города. Отряд, из четырнадцати человек, прибыл в расположение склада. Такие малочисленные отряды формировались из друзей и соседей, выросших в одном дворе. На складе никого. Когда двери склада взломали, появился «кладовщик», и сам всё что надо выдал. Люди взялись за оружие. Никто не планировал удерживать Цхинвал. Такой задачи не стояло. Но люди взялись за руки и не сдали город.

Ещё до полуночи грузинская тяжелая артиллерия обстре-

ляла правительственные здания. Город подвергся обстрелу из установок «Град», гаубиц и крупнокалиберных минометов. Грузины захватили стратегическую высоту и контролировали Зарскую дорогу, которая связывала Цхинвал с Россией, и вели с высоты обстрел всего, что появлялось на дороге. Беженцы, кто пытался выбраться из города, солдаты, техника, гражданский транспорт – всё уничтожалось огнём.

Начался штурм Цхинвала. Били по жилым кварталам. Грузинская армия убивала женщин, детей и стариков.

Около 40000 мирных жителей – практически все население города, остались без крова, дети потеряли родителей, раненые не могли найти помощь в разрушенных больницах. Убитых хоронили во дворах домов, без гробов, обёрнутыми в целлофановые пакеты.

Корреспонденты, кто был в Багдаде в 2003 году, рассказывали, что там тоже гибли мирные жители, но это было исключение, никто не ставил задачу преднамеренного убийства людей.

В Цхинвале жителей уничтожали целенаправленно всем, чем только можно было убить.

Под обстрел попали районы, где были сосредоточены миротворческие силы и войска Южной Осетии. База российских миротворцев была уничтожена. В живых никого не осталось.

Замолчать такое было уже нельзя, и официальная Грузия подтвердила намерение «решить грузино-осетинский кон-

фликт военным путем»

Президент Саакашвили объявил Южной Осетии войну.

К утру авиация Грузии разбомбила город с воздуха.

Целью Грузии было уничтожить, на месте исторического проживания, целый этнос.

Из танка расстреляли на кладбище надгробья, уничтожили часовню и мемориальное кладбище защитников Цхинвала 1992 года. Танк проехался по могилам и сравнял их с землёй. Жестокость не знала границ. Грузинский танкист выстрелил по легковушке с женщинами и детьми. Двух женщин с грудными детьми выбросило из машины, и они выжили. Отца и двух детей вытащить не смогли. Танк подъехал к машине, танкисты облили её бензином и подожгли.

Цхинвал штурмовали почти 12 часов. Одна группа ополченцев целый час сдерживала танки. У них были автоматы и два гранатомёта с противопехотным зарядом. Грузины не знали, что гранатомёты не страшны танкам и выезжали из укрытий, стреляли по позициям и трусливо обратно прятались. Так продолжалось, пока у ополченцев не кончились заряды.

Ополчение и добровольцы сдерживали двенадцати тысячный армейский контингент Грузии почти три дня. Профессиональной грузинской армии, вооружённой современным американским оружием, противостояли в основном двадцатилетние мальчишки. Самому младшему в ополчении было 16 лет. Пацаны Цхинвала «взялись за руки» и грузины от-

ступили.

Утром, 9-го августа в Цхинвале обстрел усилился, но мать вышла на поиски сына, несмотря на опасность попасть под оружейный огонь.

Мать нашла останки сына. Она опознала его по обуви. Алана разорвало на куски выстрелом из танка.

2

Сергей отвез детей в гимназию. Когда возвращался, припомнил о своем поприще безработного, о том, что отныне вынужден скитаться, и таиться от жены. Снова к нему вернулся страх. Поговорить с женой, признаться во всем как есть, он не решался потому, что чувствовал себя виноватым. Ему казалось, что жена, дети и два кота, ему больше не принадлежат, что он у них в долгу и не может рассчитывать даже на сочувствие. В этом была известная доля истины, так как семья и работник находятся в постоянном антагонизме и порой терпят друг друга из одной только необходимости. Семья ничего не знает о происхождении денег, о том, как они добываются, не знает практически ничего. Потерял работу – велика вероятность, что потеряешь и семью. Без денег мужчина семье не нужен. В него могут плюнуть даже собственные дети.

Сергей покрылся испариной. В горле пересохло. Похмелье давало знать. Организм призывал, требовал принять меры. Сергей решил, что остановится у первого попавшегося

ларька, купит пива и позвонит Борису. Но тут его осенило, что на нём другие джинсы, а наличные три сотни рублей остались в тех, что он бросил в корзину для стирки.

– Матушка Матронушка, помоги, – в отчаянии завопил он, проезжая как раз мимо Покровского монастыря, где покоятся мощи Матроны Московской.

Вдруг на дороге появился человек, с характерно вытянутой рукой, возник внезапно, словно вырос из-под земли. Сергей, не раздумывая, нажал на тормоз. Пассажир торопился в аэропорт, ему все равно было, с какой суммой расстаться, и в руках у Сергея оказались немалые деньги, которые могли воодушевить кого угодно, не говоря о человеке, недавно потерявшем работу.

В мгновение все перевернулась, словно в книге жизни чья-то невидимая рука перевернула страницу. Он отвёз пассажира в аэропорт и вернулся в город. У киоска остановился, чтобы купить бутылку кваса. Прямо не отходя выпил, половина бутылки, и вернулся в машину. Его прошиб пот и в голове забрезжило. Он больше не смотрел на свою жизнь, как на жалкий обломок. Впереди снова маячил человек с вытянутой рукой. Сергей запустил движок и помчался навстречу протянутой руке.

После ухода жены, Борис стал просыпаться с тяжелым чувством. С одной стороны, он рад был расстаться, и рад был пусть хоть и временной передышке, а с другой стороны был

уязвлен, обижен и не мог согласиться с тем, что так вероломно и предательски покинут.

Сегодня к этому уничижительному чувству примешивалось еще похмелье. У Бориса болела голова, он искал в себе силы встать, чтобы достать из холодильника пиво, искал и не находил потому, что сомнения на счет последней, неосмотрительно выпитой, еще ночью, бутылки, все крепче овладевали сознанием и предательски сковывали тело. Встать и достать из бара виски, он не решался, так как предчувствовал начало тяжелого запоя через исправление относительно легкого похмелья.

Настойчивый телефонный звонок прогнал остатки сна. Кто мог звонить в такую рань?! Никто из друзей! Звонить могла только она. Борис поднял трубку и вместо жены услышал приятный женский голос, который предупреждал, между прочим, о том, чтобы не вешали трубку во избежание повторного звонка. Голос был уверенный и доброжелательный, отчего Борис заключил, что с ним говорит автоответчик. Это был звонок из банка, где он еще недавно числился превосходным специалистом. Не так давно ему был выделен беспроцентный кредит на покупку автомобиля. И вот бесстрастный женский голос сообщал, что очередной платеж за предоставленный кредит не получен, так как банк не смог списать нужную сумму по причине недостатка средств на его расчетном счете. Сначала Борис возмутился оттого, что с ним разговаривал автомат, а не позвонил кто-нибудь из кредитно-

го отдела. Он даже закричал в ответ. Но в трубке раздался щелчок, и пошли длинные гудки. Страшная догадка о том, что жена опустошила совместный банковский счет, молнией пронеслась в голове у Бориса. Он стал звонить жене. Но мобильный был не доступен, а по-домашнему тещи, с определителем, никто не отвечал. Ключи от машины, со столика в прихожей, исчезли. Машину, он предусмотрительно запарковал во дворе еще вчера, до начала пьянки. Борис выглянул в окно. Машины на месте не было. Вне себя от ярости он пошел к бару, налил виски и выпил. Первым желанием было вернуться в кровать и как-нибудь умереть. Но виски мгновенно подействовали и планы резко поменялись. Он решил, что поедет в банк и попросит управляющего отсрочить платеж по кредиту.

Борис принял душ, ополоснулся по привычке холодной водой, и, почувствовав настоящий прилив сил, пошел одеваться. Костюм был отвергнут так как вызывал неприятные воспоминания о потерянной работе. Он выбрал бежевый пиджак из тонкой кожи, купленный по настоянию жены и синие джинсы. К ним подошла ярко-желтая тенниска от «Valentino», ее, ко дню рождения, так же подарила жена. Перед выходом он плеснул вискаря в стакан, выпил и с удовлетворением отметил, что метро, чтобы там не говорили, — есть достижение истиной свободы.

В банке его встретили абсолютно холодно. Управляющий, сославшись на занятость, даже не вышел. Менеджер, уло-

вив запах виски, брезгливо передернула носиком, сказала, что, по всей видимости, сегодня вряд ли его смогут принять. Во избежание дальнейшего унижения пришлось retirоваться отступлением. Несколько минут понадобилось, чтобы вторично оказаться за порогом банка, теперь уже в качестве клиента неплательщика. Начальник службы безопасности лично вышел проводить и на прощание зачем-то добавил: – Я в курсе Борис Михайлович, такова «се ля ви».

Становилось жарко. Борис снял пиджак и с досады собрался было выбросить его в урну, но сдержался. Пиджак стоил пятьсот баксов – подарок жены. Он подошел к киоску, чтобы купить «пепси», как вдруг услышал ободряющий голос:

– Жарко, дружище!

Это был крепкий парень с гладко выбритым черепом, в клетчатой рубашке с закатанными рукавами и красной майке. Он дружелюбно улыбался, скрывая, пронизательный взгляд за черными очками бабочка.

– Толик, – сказал незнакомец.

Он уловил желание Бориса выбросить пиджак, и приняивался к источаемому аромату кожи.

– Борис, – пожал он незнакомцу руку. – Пивка? – предложил Борис.

– Такому человеку банк не откажет, – сострил Толик.

Борис возглавлял в банке кредитный отдел и приобрёл большой опыт общения с клиентами. Нельзя сказать, что

у него созрел какой-то план, но интуиция подсказывала, что Толик тот, кто ему сейчас нужен.

– Как вы догадались, что я из банка?

– Делового человека видно из далёка, – задумчиво ответил Толик. – Из «прекрасного далёка», – добавил словами из песни.

Они выпили по бутылке пива, потом разбавили шкаликком водки, угощал Толик, затем залакировали пивком, и Борис рассказал правду о кризисе, о том, как америкосы собираются «ощипать» мир, какой негодяй управляющий, и какая стервоза оказалась жена. Толик слушал рассеяно, но, когда Борис сказал, что готов встать с протянутой рукой лишь бы погасить кредит, оживился.

– Дружище, – сказал он, доверительно, – есть верный способ всё исправить. Идём!

Они спустились в тесный подземный переход, где сновали толпы людей и Толик показал на бомжа попрошайку, прижимавшегося к стене. Перед ним стояла коробка с деньгами, куда непрерывно кто-нибудь, сколько-нибудь опускал.

– У тебя получится! – сказал Толик, словно гипнотизировал. – Попробуй!

– Запросто! – легкомысленно ответил Борис.

Толик что-то сказал бомжу и тот стал стягивать с себя джинсовую куртку и майку.

– Снимай! – скомандовал он Борису.

Видя его нерешительность, добавил:

– Не понравится – вернешь вещи обратно и заберешь свои тряпки. Все дела.

Тенниска от «Valentino» немедленно перешла к бомжу, а пиджак Толик примерил на себя. Он был чуть выше и плотнее Бориса, пиджак пришелся впору. Борис с завистью отметил, что на Толике пиджак сидит лучше.

Майку бомжа, влажную от пота, грязную и вонючую, Борис с трудом натянул на себя.

– Брюки снимай! – сказал Толик, видя, как Борис смущенно озирается по сторонам. – Не волнуйся, они тебя не видят. Им по фигу, – ободрил Толик.

Борис снял джинсы и отдал бомжу. Взамен тот передал парусиновые портки, без ремня, с веревочными завязками, которые вдруг затрещали, когда Борис стал их надевать.

– Эй! Чувак, – возмутился бомж, – осторожней с моими вещами!

Он надел мокасины Бориса, совсем новые, недавно купленные за пять тысяч рублей. Борису остались стоптанные туфли без шнурков.

– Удачи! – сказал Толик и растворился в толпе.

И тут случилось то, что всегда случается в таких случаях. В переходе появилась жена Бориса. Она и не думала менять привычки и по обыкновению совершала объезд бутиков. Ей удалось сделать несколько удачных покупок, и настроение у нее было преотличное. Разглядев в толпе знакомый пиджак, она подумала: «не вернуться ли ей домой сего-

дня вечером?»

– Так вот какой у тебя кризис, дружок!

Толик обернулся и дал обознавшейся даме прийти в себя.

– Это пиджак моего мужа, от него пахнет моими духами, – не растерялась Элла.

– Я передам это вашему мужу, – улыбнулся Толик, сверкая золотыми коронками.

Элла была шокирована таким ответом и схватилась за телефон. Она набрала номер мужа и услышала рядом знакомую мелодию. Она просила Бориса заменить ненавистную мелодию одной известной оперы, но Борис отшучивался каждый раз, отвечая, что это мол не просто мелодия, а позывные, которые служит ему предупреждением о приближении опасности. Телефон лежал рядом с коробкой для денег. Пока Элла вертела головой во все стороны, пытаясь определить, откуда доносилась мелодия, Борис выгреб из коробки деньги и рванул во все лопатки к выходу. Набегу, он пытался отключить телефон, и пока возился с кнопками, телефон продолжал орать, и Элла его засекла и начала преследование. Борис оказался проворней, взбежал по лестнице, и выскочил на улицу. Элла заметно отставала. Навстречу ей неспеша двигались два милиционера. Элла с разбега чуть ли не врезалась в патрульных.

– Товарищи, задержите его! – закричала она. – У него телефон моего мужа.

– Гражданка, – заговорил первый, – о пропаже телефона

следует заявить в отделение милиции.

– Дело не в телефоне, – перебила Элла. – Только что я видела пиджак моего мужа на человеке, которого видела впервые в жизни. Я утверждаю, что это пиджак моего мужа. Он пахнет моими духами.

– Уважаемая, мы только постовые, – лениво отвечал сержант. – Следим за порядком. Насколько я понял, у вас проблемы с мужем. Действуйте официально.

– Я не хотела бы официальной огласки, – парировала Элла. – Не могли бы вы просто помочь мне. Я вас отблагодарю.

– Слушаю вас, – подтянулся мент. – Так не делается. Мы не знаем обстоятельств...

– Какие еще обстоятельства? – перебила Элла.

– Почему, например, вы думаете, что ваш муж пропал? Может быть он просто от вас ушел?

– Нет, – решительно отвергла Элла, – я от него ушла.

– Дело запутанное, – начал плести паутину сержант, – нужно провести розыскные мероприятия.

– Проводите, – сказала Элла и протянула сержанту сто баксов. – Это задаток.

Из сумочки она достала ручку и стала списывать номера на бляхах.

– А это зачем? – удивился сержант.

– На всякий случай.

Она протянула визитную карточку.

– Мой телефон. На связи.

Она ушла, оставив постовых в некотором раздумье.

Андрей разместил в Интернете объявление. Каждое утро он проверял почту, в надежде получить предложение от кого-нибудь, кто нуждался бы в услугах брокера, но компьютер молчал, почтовый ящик был пуст.

Этим утром, он не пошел проверять почту, а сразу отправился на кухню. Из холодильника достал банку пива и начал, как говорится, «противное выводить противным». Он пил из банки, прикасаясь губами к холодной жестянке, получая удовольствие не столько от пива, сколько от прикосновения к холодному металлу. Пиво, слишком холодное, не имело вкуса, и Андрей перелил его в стакан, давая напитку согреться. Стенки стакана моментально запотели, покрылись влажными бороздками из мелких капель. Андрей смотрел, как пена, оседая, накрывала золотистый напиток. Такая пена бывает у хорошего пива, сваренного по всем правилам. И Андрей подумал, «что жизнь, точно наладится, если уляжется пена».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.